

20 февраля 2001 года

Гермиона Грейнджер собирала вещи; она собирала их уже несколько недель. Взглянув на пергамент в своей руке, она взяла со стола маленький золотой кубок, кивнула и сунула его в сумку через плечо. Затем она взяла перо из чернильницы и сделала пометку на исписанном списке.

Её обычно безупречный кабинет был почти неузнаваем - судя по возвышающимся стопкам книг на столе и стопкам коробок и личных вещей, устилавших пол в одном из углов, он больше походил на кабинет Рона, чем на её собственный. Она снова взглянула на список.

Дневник... - пробормотала она, постукивая перьевым концом пера по пергаменту и просматривая покосившуюся башню из книг, занимавшую большую часть её стола. Найдя небольшую книгу в черном переплете, она бросила ее в сумку и снова сделала пометки в списке.

Она услышала, как внизу хлопнула задняя дверь. Проклятье, - пробормотала она, доставая палочку из кармана джинсов и щелкая ею: шкаф на противоположной стене распахнулся, и петли ее старого хогвартского сундука слегка скрипнули, открывая крышку.

'Я дома!' раздался голос Рона.

Ещё один взмах палочкой, и все книги, коробки, записки и разные предметы полетели в сторону шкафа.

Она стянула резинку с непокорных волос и тряхнула головой, чтобы освободить локоны из хвостовой тюрьмы. У нее должен был быть выходной, а завязанные назад волосы слишком явно указывали Рону на то, что она работала, и она не хотела вызывать его подозрений. Сундук с глухим стуком закрылся, и в кабинете снова стало приятно. Закрыв за собой дверь, она начала спускаться по лестнице.

Я решила закрыться на сегодня, потому что погода такая ужасная, Косой Переулок был безлюден. Голос Рона, звонившего по лестнице, внезапно понизился, когда она появилась в поле зрения. Я их не виню, - продолжил он, - там чертовски холодно».

ДА, - сказала Гермиона, подумав, что Рон выглядел очень веселым сегодня днем - она почти забыла, что у него бывают такие эмоции. Я весь день наблюдала, как соседские дети гоняются друг за другом по снегу», - добавила она, подхватив его весёлый тон.

Когда Рон скинул заснеженные ботинки и повесил плащ на вешалку, Гермиона поцеловала его в щеку и пошла на кухню, спросив через плечо: «Ты голоден? Еда, несомненно, помогла бы поддержать его необычайно весёлое настроение. Возможно, они смогут нормально поговорить.

Он последовал за ней в ярко украшенную кухню и сел за небольшой стол.

Конечно, спасибо, - сказал он, и на его лице снова появилось привычное выражение беспокойства. А может, и нет.

Как только перед ним появился сэндвич с беконом, она спросила: - Ты видел сегодня свою маму? Возможно, миссис Уизли чувствовала себя немного лучше, и это на мгновение подняло настроение Рона.

Нет, - сказал Рон, - я навещу ее сегодня вечером. Он взял сэндвич и откусил кусочек, опустив глаза. Что ты делал сегодня?» - спросил он механически.

Он словно заставлял себя быть вежливым. Гермиона внутренне вздохнула: не стоило так легко надеяться на успех. Джинни приходила сегодня утром - она все еще очень подавлена, у Гарри серьезные проблемы в Министерстве. Она сказала.

Я знаю, я обедала с ним вчера. Он в полном расстройстве».

Гермиона с грустью смотрела, как он уплетает свой сэндвич. Исчез тот мальчик, в которого она влюбилась; иногда она видела, как он сияет, но это всегда было лишь на мгновение, короткая искра, а затем она исчезала так же быстро, как и появилась. Они жили как в шараде. Они оба знали это, но ни один не хотел признавать.

За три года, прошедшие после войны, стресс, связанный с восстановлением, развел их в разные стороны. Рон посещал «Всевозможные волшебные вредилки Уизли» - магазин шуток, который открыли его братья-близнецы Фред и Джордж. После гибели Фреда в последней битве Джордж не мог справиться с этим местом и всеми его напоминаниями о погибшем брате. Разумеется, это было вполне понятно.

Рон взял на себя ответственность за то, чтобы поддерживать его в хорошем состоянии. В квартире над магазином хранились объёмные записи близнецов, и Рон работал над ними, добавляя новые товары в ассортимент магазина. Он хотел, чтобы магазин был таким же успешным, как и до потери Фреда, и был готов к тому дню, когда Джордж снова сможет справляться со своими обязанностями.

С течением времени этот день казался все менее и менее вероятным. В тех редких случаях, когда Джордж всё-таки появлялся, он едва ли выдерживал час, прежде чем что-то выводило его из себя, и он либо срывался, либо кричал на Рона за то, что тот не делает всё так, как Фред. Затем он выбегал из магазина и топил себя в ближайшем алкогольном напитке, который только мог найти. На самом деле Джордж проводил большую часть времени, топя свои печали в ближайшем пабе, что очень беспокоило Рона. Рон знал, что его брат имеет право горевать, но чувствовал, что от горя он переходит к эгоизму.

Миссис Уизли находилась в похожем состоянии, и хотя ей не требовалась рюмка огневиски,

чтобы подняться с постели утром, она вполне могла это сделать. Она функционировала, но не более того. Готовить, убирать, спать - вот и все, что ей удавалось ежедневно. Это началось с потерей Фреда, но усугубилось с постоянным ухудшением состояния Джорджа; внуки приносили ей немного счастья, когда Билл или Перси заходили к ней, но это всегда было мимолетно.

К тому же ее дочь Джинни, которая вышла замуж за Гарри предыдущим летом, испытывала трудности в супружеской жизни. Когда супруги женятся молодыми, это всегда непросто, но Джинни проводила больше времени в семейном доме, чем в своем собственном, в основном потому, что ее мужа никогда не было дома.

Пока Гарри проходил обучение в Мракоборце, Джинни справлялась с ограниченным количеством свободного времени, которое они проводили вместе, и с тем, что Гарри едва не уволили. Она боролась все эти годы, думая, что, когда он получит квалификацию и сможет помогать как следует, его желание исправить события войны - то, что он считал своими ошибками, - уменьшится.

Джинни ошибалась. Гарри постоянно находился в Министерстве, а когда возвращался домой, то сидел и составлял список за списком всех неправильных решений, которые он принял, и их последствий. Гнев Гарри на самого себя также увеличивал нагрузку на миссис Уизли. Когда Джинни навязывала ему их компанию, ему было трудно смотреть в глаза Молли или Артуру. Это было похоже на то, как будто он потерял еще одного сына.

Рон был единственным, с кем он по-настоящему общался. Их дружба не была такой крепкой, как в Хогвартсе, но почему-то Гарри верил, что Рон не винит его ни в каких «ошибках». Почему он не мог принять это от кого-то другого, оставалось загадкой.

И, конечно же, слава, которую принесла победа над самым могущественным Темным волшебником всех времен. В глубине души Гарри считал, что не справился со своей задачей - на победу над Риддлом ушло слишком много жизней и времени, - но при этом был вынужден улыбаться и изображать гордость за свои достижения перед волшебной общественностью, вспоминая всех тех, кто был убит из-за того, что он слишком медлил.

В последние годы Рон оказался в сложной роли: миротворца, мотиватора, единственного, у кого было достаточно времени, чтобы решать все эти проблемы. Его отец был главой отдела по связям с маглами - очень трудоемкая работа, учитывая то, что маглам довелось увидеть во время войны. У старших братьев Рона - Билла и Перси - были маленькие дети и постоянная работа, а Чарли находился слишком далеко, чтобы быть полезным. Рон - когда-то наименее эмоциональный пятнадцатилетний подросток, которого Гермиона когда-либо встречала, - теперь был лоскутной лентой заклинаний, удерживающей вместе всю расширенную семью Уизли, и это усилие лишило его энтузиазма ко всему остальному.

Гермиона же с головой ушла в работу в Министерстве. С её статусом после войны она могла выбрать любой департамент, но только одно она могла себе представить в своей жизни: Департамент по регулированию и контролю магических существ.

Во время войны Фенрир Грейбек укусил целое поколение оборотней - детей, которых нужно было защитить и обучить, чтобы они не пошли по стопам своего отца. Сейчас в Хогвартсе училось шесть оборотней - разумеется, все они получали Волчье противоядие; Гермиона почти в одиночку пробила закон, позволяющий им учиться, хотя ее тесная дружба с министром, конечно, помогла. Шеклболт была очень полезным человеком, которого можно было иметь на своей стороне. Ей очень нравилась её работа, и она была рада, что может изменить жизнь этих детей к лучшему - жаль только, что она им не нужна.

Романтические отношения Рона и Гермионы пострадали из-за того, что они по-разному справлялись с трудностями. Времена были тяжёлые, но Гермиона не возражала - она знала, что, как только они пройдут через это, Рон снова станет самим собой, и они смогут продолжить начатое. Она была полна решимости поддерживать его; она была счастлива быть его другом, пока он не будет готов к большему. По крайней мере, так она думала вначале. Но шли годы, а ничего не становилось лучше, и она начала сомневаться, сможет ли когда-нибудь вернуть его.

Она почти потеряла надежду вернуть Рона-друга, но когда версия друга тоже начала ускользать, она удвоила время, которое тратила на свои исследования. То, что казалось безумной идеей, когда она впервые пришла ей в голову три года назад, теперь стало реальностью. Она никому не говорила. Все ее друзья были настолько погружены в свои собственные дилеммы, что она не думала, что они станут слушать. Она хотела докопаться до корня проблемы - и почти докопалась.

<http://tl.rulate.ru/book/105333/5089633>